

Научный совет по историко-теоретическим проблемам искусствознания
Отделения историко-филологических наук Российской академии наук
Scientific Council on Historical-Theoretical Problems for Art Studies
of the Historical-Philological Department of Russian Academy of Sciences

Российская академия архитектуры и строительных наук
Russian Academy of Architecture and Construction Sciences

Научно-исследовательский институт теории и истории
архитектуры и градостроительства (филиал ЦНИИП Минстроя России НИИТИАГ)
Research Institute of Theory and History of Architecture and Town-Planning (the branch
of CNIIP of the Ministry of Russia)

Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ
State Institute for Art Studies

ПРОГРАММА И ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

ВОПРОСЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ

QUESTIONS OF THE HISTORY OF WORLD ARCHITECTURE

CONFERENCE PROGRAMME AND ABSTRACTS OF THE REPORTS

**16–17 июня 2016 года
ГИИ, Козицкий пер. 5
Зал библиотеки**

Информационная поддержка

Москва – 2016

16 июня | June 16th

11.00 ОТКРЫТИЕ | *OPENING*

11.20–13.00. Первое заседание. Ведущий – А.Ю. Казарян | *First session. Led by A. Kazaryan*

Ванюкова Дарья Владимировна

Пирамидные комплексы Сенусерта III и Аменемхета III в Дахшуре: оставленные погребения эпохи XII династии.

Vanyukova Daria Vladimirovna

Pyramid's complexes of Senusret III and Amenemkhet III in Dakhshur: left burials of the 12th dynasty epoch

Бондаренко Игорь Андреевич

Древнеримский военный лагерь как универсальная модель города

Bondarenko Igor Andreevich

Ancient Roman Legion's camp as an universal model of the town

Хрушкова Людмила Георгиевна

Епископская базилика Херсонеса Таврического: 165 лет дискуссий. Прогресс или тупик?

Khrushkova Lyudmila Georgievna

Episcopal Basilica of Tauric Chersonese: 165 years of discursions. Progress or dead-lock?

Воробьева Дарья Николаевна

“Сжатая” хронология Аджанты Вальтера Спинка. Аргументы за и против

Vorobyova Daria Nikolaevna

'Compact' chronology of Ajanta by Walter Spink. Arguments pro et contra

13.40– 16.00. Второе заседание. Ведущий – И.А. Бондаренко | *Second session. Led by I. A. Bondarenko*

Клюев Сергей Андреевич

Церковь Медхане Алем в Адди Кешо и сложности датировки скальных памятников региона Тыграй (Эфиопия)

Klyuev Sergey Andreevich

Madhane Alem Church in Addi Qasho and the difficulties of dating of the rock-hewn monuments of Tigray (Ethiopia)

Смирнова Екатерина Олеговна

Церковь Учайак. Проблема столичного и периферийного

Smirnova Ekaterina Olegovna

The church of Uchayak. The problem of metropolitan and peripheral

Казарян Армен Юрьевич, Исмаил Явуз Озкайя, Алин Понтиоглу

Новая периодизация средневековых восстановлений церкви Спасителя в Ани (1035) и размышления в связи с работами по сохранению памятника

Kazaryan Armen Yurievich, İsmail Yavuz Özkaya, Alin Pontioğlu

A new periodization of the medieval restorations of the church of Redeemer at Ani (1035) and thoughts on the case of conservation works on the monument

Лаврентьева Елена Сергеевна

Восстановление Храма Гроба Господня в первой половине XII века: попытка определения архитектурного прототипа кафоликона крестоносцев

Lavrentyeva Elena Sergeevna

The restoration of the Holy Sepulchre during the first half of the 12th century: the question of architectural prototype of the Crusader Katholikon

Яковлев Дмитрий Евгеньевич

Костел Св. Петра на "Немецком дворе" в Великом Новгороде и церковная архитектура острова Готланд во второй половине XII века

Yakovlev Dmitry Evgenievich

The church of St. Peter on the German court at Novgorod the Great and ecclesiastical architecture of the island of Gotland during the second half of the 12th century

Мурадов Руслан Гельдыевич

О форме покрытия мавзолея туркменских эмиров в Аргаванде

Muradov Ruslan Geldievich

To the question of the form of covering of the mausoleum of Turkmen Emirs in Argavand

Бесолов Владимир Бутусович

Грузинская школа архитектуроведения: I. Евфимий Такайшвили (1863-1953)

Besolov Vladimir Butusovich

Georgian school of architectural studies – I: Ekvtime Takaishvili (1863-1953)

16.40– 18.20. Третье заседание. Ведущий – Л.Г. Хрушкова | *Third session. Led by L. G. Khrushkova*

Коновалова Нина Анатольевна

Мосты Японии: между архитектурой и поэзией

Konovalova Nina Anatolievna

Bridges of Japan: between the architecture and poetry

Волчок Юрий Павлович

Феррара: образ, план и устройство города

Volchok Yuriy Pavlovich

Ferrara: the image, the plan and the organization of the town

Липатов Алексей Анатольевич, Сакса Александр Иванович, Смирнов Александр Михайлович

Новые данные об архитектуре средневекового Выборга по результатам археологических исследований 2015 года.

Lipatov Aleksey Anatolievich, Saksa Alexandr Ivanovich, Smirnov Alexandr Michaylovich

New facts about the architecture of the medieval Viborg according the results of the 2015 archeological research

Вавилонская Татьяна Владимировна

Градостроительная история Бата и особенности архитектуры георгианской эпохи

Vavilonskaya Tatyana Vladimirovna

Town-planning history of Bat and the features of the architecture of the Georgian Epoch

Чантурия Юрий Владимирович, Хеджазиния Алиреза

Градостроительный ансамбль общественного центра Тегерана первой половины XIX века

Chanturia Yuri Vladimirovich, Hejazinia Alireza

Town-planning ensemble of the public center of Tehran of the first half of the 19th century

17 июня | June 17th

11.00– 13.00. Четвертое заседание. *Ведущий – Н.А. Коновалова | Fourth session. Led by N.A. Konovalova*

Кавтарадзе Сергей Юрьевич

Барбаро и Аристотель. Четыре причины виллы в Мазере

Kavtaradze Sergey Yurievich

Barbaro and Aristotle. Four reasons of the villa at Maser

Корчагина Ирина Андреевна

Андреа Палладио и венецианская дворцовая традиция

Korchagina Irina Andreevna

Andrea Palladio and venetian palace tradition

Аронова Алла Александровна

«Печальная» архитектура Западной Европы в эпоху барокко: некоторые наблюдения

Aronova Alla Alexandrovna

"Bolorous" (Funeral) Architecture in Europe at the Baroque Age: some observations

Хохлова Светлана Павловна

Типология французской архитектуры XVII века

Khokhlova Svetlana Pavlovna

The typology of French architecture of the 17th century

Клименко Юлия Гаврииловна

Восприятие французского неоклассицизма швейцарскими архитекторами. (По материалам атрибуции графического архива тичинских мастеров)

Klimenko Julia Gavriilovna

French Neoclassicism through the eyes of Switzerland architects (On the materials of graphic archive of the masters of Ticino)

Карпов Виктор Васильевич

Шарль Блан и Жюльен Гваде: Риторика и герменевтика композиции, рисунка и цвета

Karpov Viktor Vasilyevich

Charles Blanc and Julien Guadet: rhetoric and hermeneutic of composition, drawing and color

14.00– 16.40. Пятое заседание. *Ведущий – Ю.В. Чантурия | Fifth session. Led by Yu.V. Chanturia*

Старостенко Юлия Дмитриевна

City Beautiful Movement в современных зарубежных исследованиях

Starostenko Julia Dmitrievna

City Beautiful Movement in modern foreign researches

Гыбина Майя Михайловна

«Город Дорог» Э. Чамблесса

Gybina Maiia Mikhaylovna

'Roadtown' by Edgar Chambless

Вяземцева Анна Геннадиевна

«Корпоративный город»: новая экономическая и архитектурная модель итальянского градостроительства 1920-1930-х годов

Vyazemtseva Anna Gennadievna

'Corporative town': new economic and architectural model of Italian town-planning of the 1920–1930-s

Муромцева Ольга Валерьевна

Проекты Марио Пьячентини и проблемы формирования архитектурного стиля эпохи фашизма

Muromceva Olga Valeriena

Projects by Mario Piacentini and the problems of architectural style formation of the time of fascism

Ким Екатерина Сергеевна

Церковь St. Fronleichnam архитектора Рудольфа Шварца (1930)

Kim Ekaterina Sergeevna

The church of St. Fronleichnam by architect Rudolf Schwarz, 1930

Шурыгина Ольга Сергеевна

Автомобильный гараж как новый тип здания в архитектуре начала XX века (на примере стран Западной Европы и США)

Shurygina Olga Sergeevna

Car garage as a new type of building in early-20th-century architecture in the case of Western European countries and USA

Комиссарова Екатерина Алексеевна

К пониманию традиционной архитектуры некоторых территорий Ближнего Востока

Komissarova Ekaterina Alekseevna

To the conception of traditional architecture of some territories of the Middle East

Анисимов Александр Викторович

Традиции развития и реконструкций объектов культуры. Уроки истории – приобретения и потери

Anisimov Aleksandr Viktorovich

Traditions of development and reconstructions of the cultural objects. Lessons of history – acquisition and losses

16.40. Обсуждение. Подведение итогов | *Discussion and summarizing*

Тезисы докладов | *Abstracts of the papers*

Ванюкова Дарья Владимировна

К. иск. / Государственный институт искусствознания, Москва

Пирамидные комплексы Сенусерта III и Аменемхета III в Дахшуре: оставленные погребения эпохи XII династии

Доклад посвящен анализу архитектурных особенностей погребальных комплексов эпохи XII династии – пирамид Сенусерта III и Аменемхета III в Дахшуре. Будучи полностью отстроены, они, вероятнее всего, так и не стали местом фактического упокоения своих владельцев. Сопоставление с планами и архитектурными решениями, использованными при возведении царских памятников Абидоса («гробница» Сенусерта III) и Хавары (пирамидный комплекс Аменемхета III), может, по мысли автора, дать ответ на вопрос – почему же были оставлены Дахшурские пирамиды.

Бондаренко Игорь Андреевич

Д. архит., проф., чл.-корр. РААСН / НИИТИАГ, Москва

Древнеримский военный лагерь как универсальная модель города

Разбивка планов древнеримских городов по типу военного лагеря, описанная Полибием, отличалась не только ортогональностью, но и установлением четкой субординации территориальных зон. Пересечение кардо и декумануса, отмечавшееся тетрапиллом, формировало не нейтральную срединную точку, а преддверие главной/головной части города с форумом (изначально резиденцией главнокомандующего) и жилищами офицеров. Фигура Тау-креста в плане структурировала зону расселения рядового состава. Аналогом этой зоны можно считать бург или посад средневекового города. А расположенную над перекладиной креста – декуманусом главенствующую зону позволительно соотнести с замком или русским кремлем (детинцем).

Та же трехчастная структура с Тау-крестом посередине продолжила свое существование в новом значении и в христианских базиликах и крестово-купольных храмах. Знаменательно, что подобным образом структурировались и средневековые карты Земли. Все это свидетельствует о глубоких космологических основаниях рассматриваемой планировочной традиции.

Хрушкова Людмила Георгиевна,

Д. ист. наук / Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова

Епископская базилика Херсонеса Таврического: 165 лет дискуссий. Прогресс или тупик?

Епископская базилика Херсонеса Таврического (Уваровская) была открыта графом А. С. Уваровым в 1853 г. раскопки ее продолжались в несколько приемов, до начала XX в. С 1888 г. работами руководила Археологическая комиссия (С.-Петербург) под руководством графа А. А. Бобринского. К сожалению, Археологическая комиссия не смогла или не увидела необходимости создать постоянно действующую экспедицию, состоящую из профессиональных археологов и архитекторов. Раскопки вел служащий Севастопольского банка К. К. Косцюшко-Валюжинич, чертежную документацию создавал художник-самоучка М. И. Скубетов. На протяжении почти 20 лет они раскопали большую часть самых важных памятников византийской архитектуры Херсонеса. Никаких работ по консервации архитектурных остатков не производилось. Историко-архитектурный анализ Уваровской базилики впервые был опубликован А. Л. Якобсоном в монографии 1959 г. К сожалению, повторных обмеров не производилось, при всех недостатках скубетовских схематичных чертежей лучшей документации не существует. В пост-советский период возобладала точка зрения, согласно которой при изучении архитектурного памятника главными являются археологические предметы, архитектурные же характеристики являются второстепенными (И. А. Завадская и др.). Обобщающего труда по византийской архитектуре Херсонеса пока не появилось.

Воробьева Дарья Николаевна
К. иск. / МГХПА им. С.Г. Строганова, Москва

“Сжатая” хронология Аджанты Вальтера Спинка. Аргументы за и против

В истории архитектуры древней Индии еще много белых пятен касательно датировок памятников. Зачастую не известны не только конкретные годы сооружения, но и период, ведутся споры, какие правители имели отношение к созданию, что, несомненно, препятствует точному установлению стилистической преемственности, не имея возможности точно установить, какой памятник был сооружен раньше другого. Чаще всего исследователи не ставят даже своей целью уточнение датировок, если храм не зафиксирован в письменных источниках. В докладе же хотелось бы затронуть прямо противоположный случай – новую версию хронологии Аджанты, авторства Вальтера Спинка, четко аргументированную, над которой автор работал более пятидесяти лет и идущую несколько вразрез с традиционной, бытовавшей на протяжении долгого времени достаточно расплывчатой версией.

Широко известный благодаря своим хорошо сохранившимся росписям пещерный комплекс Аджанты, расположенный в Центральной Индии в штате Махараштра, привлекал массу исследователей – по его архитектуре и росписям написаны десятки монографий и сотни статей. Стилистически хорошо видно, что первый этап относится к правлению династии Сатавахана (I в. до н.э.), второй же традиционно датировался V – серединой VII века, растянувшись почти на столетие, так как в этот период было сооружено порядка двадцати храмов. Спинк же предполагает и доказывает, что второй этап сооружения, когда появились основные пещерные храмы, был непродолжительным, заняв около двадцати лет, преимущественно в период правления прославленного императора Харишены (460–477) из династии Вакатака, и прерван был его смертью. Согласно его версии практически все храмы, поражающие сегодня своими масштабами и росписями, сооружались одновременно.

Интересна методология Спинка, построенная на сочетании нескольких методов, среди которых как традиционный исторический метод тщательного анализа письменных первоисточников, так и использование экспериментального метода, доказывающего реальную возможность сооружения памятника именно в обозначенные такие сроки. Биолог по своему первому образованию, исследователь склоняется к четким фактам и конкретным выводам. Там, где историки-искусствоведы говорили лишь о последовательности смены стилей, боясь упомянуть конкретные даты, Спинк расставляет временные акценты, оговариваясь, что возможно, они могут быть смещены, но на один-два года.

Клюев Сергей Андреевич
НИИТИАГ, Москва

Церковь Медхане Алем в Ади Кешо и сложности датировки скальных памятников региона Тыграй (Эфиопия)

В исследованиях, посвященных архитектуре скальных церквей Эфиопии, вопрос датировки памятников является одним из наиболее сложных и дискуссионных. Ограниченность письменных источников делает эту задачу затруднительной.

Стилистический и иконографический анализ росписей, зачастую, не позволяет определенно датировать сам храм. Дендрохронологический и радиоуглеродный анализ деревянных элементов в условиях Эфиопии также неточны.

Предложенная М.Герверсом и Э.Фритшем версия о трансформации макдаса (алтарной части) церковью Эфиопии¹, позволяющая выстраивать линию развития на протяжении VI -XVI веков, выглядит в данном контексте убедительной. Важным инструментом также может служить детальный анализ резного декора храмов.

В докладе поднимается вопрос датировки скального храма Медхане Алем (Спасителя) в Ади Кешо (Тыграй), вызывающий в среде исследователей серьезные разногласия. Так, Дэвид Бакстон датировал храм концом X - началом XI века², Дэвид Филлипсон относит его к X веку (предполагая, что он может быть и более ранним)³, а Майкл Герверс, на основании анализа алтарной части

¹ Fritsh E., Gervers M. Pastophoria and Altars: Introduction in Ethiopian Liturgy and Church Architecture in: Aethiopica 10, 2007, pp. 6-51.

² Buxton D.R. The rock-hewn and other medieval churches of Tigre Province, Ethiopia, in: Archaeologia 103, 1971, p. 41.

³ Phillipson D.W. Ancient churches of Ethiopia: fourth-fourteens centuries. New Haven [Conn.]; London; Yale University Press, 2009, p. 186.

храма, не соглашается со столь ранней датировкой создания памятника, но и не предлагает альтернативную версию⁴.

Основываясь на анализе плана и резного декора, автор предлагает новую датировку памятника второй четвертью XV – первой третью XVI века и отмечает сложности, связанные с датировкой скального зодчества Эфиопии в целом.

Казарян Армен Юрьевич
Д. иск., иностр. член НАН Армении, советник РААСН / ГИИ, НИИТИАГ, Москва,
Исмаил Явуз Озка
Master of Science in Restoration / PROMET PROJE, Ankara,
Алин Понтиоглу
M. Arch. / PROMET PROJE, İstanbul

Новая периодизация средневековых восстановлений церкви Спасителя в Ани (1035) и размышления в связи с работами по сохранению памятника

Начало сохранения памятников архитектуры средневековой столицы Армении Ани и создания музея на территории городища было положено русским Археологическим институтом в Ани в 1904-1917 гг. Только в наши дни эти памятники начали укрепляться турецкими специалистами, а также с помощью международных организаций и научных консультантов. Церковь Спасителя (Пркчи) в Ани, возведенная князем Абулгарипом Пахлавуни в 1035/6 г. – одна из самых интересных построек на городище, относящаяся к расцвету столичной архитектурной школы в эпоху Багратидов. Анализ исторических источников и архитектурных особенностей церкви впервые позволил выявить историю ее повреждений и восстановлений: разрушение 1131 г., ремонт 1193, пристройка колокольни в 1271, разрушение 1319, восстановление купола в 1342 г. Впервые нижняя зона барабана отнесена к оригинальной структуре XI в., его средняя зона, включая архивольты аркатуры – к восстановлению 1192 г., и лишь верхняя часть и купол – к последнему восстановлению посройки.

Впечатляющие развалины этой восьмиэкседровой ротонды в своем нынешнем виде – результат существовавших еще в конце XIX в. опасных трещин, изъятия блоков из нижних рядов кладки в середине XX в. и поражения здания молнией в 1957 г. Консервация и стабилизация памятника проводится Министерством культуры и туризма Турции и Всемирным фондом памятников (WMF).

В докладе будет изложен ход работ, начиная с расчистки завалов и проведения раскопок в 2012 г., а также проведен анализ принятой в 2008 г. концепции консервации и обеспечения стабильности сохранившейся половины здания. Будет продемонстрирована теоретическая возможность его полного восстановления применением анастилоза, что позволило бы использовать большинство из обнаруженных в ходе расчисток 650 фрагментов, сохранить изначальную пространственную структуру и обеспечить сохранность остатков настенных росписей. Будет рассказано и об альтернативном методе сохранения половины здания с возможностью восстановления утраченной половины в необозримом будущем (применен на памятнике в 2015 г. в качестве компромисса между концепциями). Целью представленного на конференции анализа окажется обмен мнениями по поводу принципов сохранения памятников архитектуры, находящихся в не стандартной ситуации.

Смирнова Екатерина Олеговна
ГИИ, НИИТИАГ, Москва

Церковь Учайяк. Проблемы столичного и периферийного

Храм Учайяк на востоке Малой Азии получил свое название от сохранившихся трех стен (в пер. с турецкого «триножник»). Храм представляет из себя две церкви, объединенные между собой одной стеной и общим нартексом.

Турецкий ученый С. Эйдже, проводивший раскопки Учайяка, на основе анализа композиции предложил датировать его X – нач. XII вв. Сербская исследовательница М. Михалевич уделяет

⁴ Fritsh E., Gervers M. Pastophoria and Altars: Introduction in Ethiopian Liturgy and Church Architecture. Aethiopica 10, 2007, p.33.

большое внимание стилистическим особенностям и датирует храм второй половиной XI в. В исследовании А.А. Липатова отмечаются особенности строительной техники этого храма, построенного полностью из плитки, что имеет лишь редкие аналогии в зодчестве Константинополя – Мерилейон ок. 920 г. Кирпичная кладка Учайяка имитирует кладку с утопленным рядом, известную по храмам Эски Имарет джами и Килисе джами XI вв.

Основное внимание в докладе будет уделено архитектурному анализу этого малоизученного памятника. Обе церкви Учайяка имеют квадратный снаружи план, а изнутри представляют собой крестово-купольную структуру, известную по столичным образцам, например, храму Гюль Джами кон. XI - нач. XII в. и кафоликону монастыря Хора XII в. В то же время, в Учайяке отсутствуют некоторые черты константинопольской архитектурной школы, такие как сплошные карнизы, расчленяющие внутренние стены на три уровня и свойственные константинопольской архитектурной школе. Памятник совмещает в себе и закавказские черты, которые выражены в трехступчатом построении подкупольных арок, типичных для этого региона (армянские храмы конца X – XI в. свв. Павла и Петра в Татеве, свв. Апостолов в Карсе и Аствацацин в Санаине; грузинский собор в Алаверди XI в.; византийская церковь Панагия Хрисокефалос в Трапезунде; церкви Абхазии в Мокви и Лыхны, обе X в.).

Стиль церкви Учайяк утонченный, характеризуется обильным оформлением фасадов уступчатыми нишами. Уникальной особенностью экстерьера Учайяка, является удлиненность второго яруса, оформленного нишами, который сильно вытянут и значительно превышает по высоте нижний и верхний ряды.

Все эти особенности позволяют предположить, что Учайяк построен в конце X или XI в. Зодчий храма, скорее всего, был представителем местной каппадокийской традиции, а заказчик сыграл решающую роль в ориентации строительства на столичные памятники.

Датировку храма уточняет лапидарная надпись 979-980 гг. из грузинского монастыря Зарзма, в которой упоминается название места сражения победоносной императорской армии с мятежником Вардой Склиром, где позднее был построен Учайяк. Это позволяет предполагать мемориальное назначение храма, который мог быть возведен в период с конца X в. и до 1060-х гг., когда миграция огузских племен сельджуков в Малую Азию стала неконтролируемой и мешала церковному строительству.

Лаврентьева Елена Сергеевна
ГИИ, НИИТИАГ, Москва

Восстановление Храма Гроба Господня в первой половине XII века: попытка определения архитектурного прототипа кафоликона крестonosцев

Комплекс Храма Гроба Господня, восстановленный при крестonosцах в первой половине XII столетия, включал в себя кафоликон (купольную церковь), сохранившуюся до наших дней, и византийскую Ротонду Воскресения, возведенную при Константине Мономахе на месте позднеантичной, а также ряд других церковных построек, находившихся вокруг храмового комплекса.

Изучение архитектурного облика крестonosного Храма Гроба осложняется не только одновременным строительством основных частей комплекса, но и повторным использованием строительного материала часто без сохранения замысла его первоначального предназначения.

Отсутствие достоверных сведений об облике Храма Гроба XI века привело к всеобщему мнению о том, что идея возведения кафоликона крестonosцами, под сводами которого были объединены основные христианские святыни, возникла именно в XII веке и ранее в комплексе никогда не воплощалась.

Для определения прототипа кафоликона рассматривались соборы Западной Европы, находящиеся преимущественно в паломнических центрах на пути в Святую Землю.

Церкви восточно-христианского мира никем не предлагались, несмотря на то, что возможность существования прототипа в византийском мире оговаривалась в литературе неоднократно.

Почти полностью утраченный облик Храма Гроба Господня к началу XII века уже являлся традиционным для христианского мира, что учитывалось при его восстановлении крестonosцами, которые в то же время наделили его новыми архитектурными особенностями.

Яковлев Дмитрий Евгеньевич
Центральные научно-реставрационные проектные мастерские, Москва

Костел Св. Петра на "Немецком дворе" в Великом Новгороде и церковная архитектура острова Готланд во второй половине XII века

Доклад посвящен предварительной реконструкции архитектуры костела Св. Петра, возведенного на Немецком дворе в Великом Новгороде, согласно сообщению ПНЛ, в 1192 году, и просуществовавшего до конца XVI века. Костел хорошо известен по письменным источникам. Сведения о костеле Св. Петра на Немецком дворе содержатся как в русских летописях, так и в опубликованных ранее ганзейских и ливонских документах. Большинство из этих свидетельств изложены Е. А. Рыбиной в книге «Иноземные дворы в Новгороде в XII-XVII вв.», которая явилась основой для данного доклада. Однако, не смотря на наличие определенной информации, непосредственно архитектура костела до сих пор не была предметом специального изучения. В отсутствие натуральных остатков и археологических исследований в докладе анализируются все известные на настоящий момент сведения письменных источников.

Для их правильной интерпретации предлагается опереться на аналоги среди церковных построек того региона, откуда прибыли строители костела. Очевидно, что выбор зодчих определялся заказчиком. Возведение каменного костела сопутствовало устройству нового Немецкого двора, начатому согласно договору 1189-1191 гг., заключенного между купцами немецкой колонии г. Висбю на о. Готланд и Новгородом. На основе этого рассматривается версия, что Новгородская постройка возведена строителями с о. Готланд, также, как за восемь лет до этого, в начале 1180-х гг., строителями с о. Готланд, вместо сгоревшей церкви на Готском дворе был построен каменный костел Св. Олафа.

Далее дается предварительный вариант реконструкции плановой и объемно-пространственной композиции здания, его конструктивных особенностей и т.д., в контексте церковной архитектуры о. Готланд XII века. Выдвигаются некоторые гипотезы об архитектуре костела Св. Олафа.

В заключении намечаются дальнейшие пути изучения костелов Св. Петра и Св. Олафа, а также романской и готической архитектуры о. Готланд и Балтийского региона в контексте ее взаимодействия с архитектурой Древнего Новгорода.

Мурадов Руслан Гельдыевич
Проф. МААМ / Союз архитекторов Туркменистана, Ашхабад

О форме покрытия мавзолея туркменских эмиров в Аргаванде

Широкое распространение в исламской архитектуре X-первой половины XIV в. получили башенные мавзолеи, локализованные в основном в Анатолии, Закавказье, Южном Прикаспии и Хорасане. В сельджукский период они обрели завершенную структурную композицию и превратились в устойчивый архитектурный тип. Среди его поздних воплощений – мавзолеев в селе Аргаванд близ Еревана. Это двенадцатигранное в плане сооружение с двойной оболочкой перекрытия и склепом. Внешняя оболочка давно утрачена. По высоте мавзолеев делится на три части. Две нижние сложены из плотного красного туфа. Средняя увенчана эпиграфическим фризом. Пояс с надписью содержит дату завершения строительства (1413 г.), имена донатора (Пир-Хусейн), усопшего (Эмир Саад, отец Пир-Хусейна), а также правителя государства Гарагоюнлы (Пир-Будаг-хан) и его отца, бывшего в тот период регентом (Гара Юсуф). Выше находится призматический барабан из жженого кирпича. Сохранилась нижняя часть черновой кладки внешней оболочки, центральный столб и радиально расположенные подпорные стенки, воспринимавшие нагрузку покрытия. О его облицовке можно судить по множеству голубых глазурованных кирпичей, собранных на земле. Но форма его стала предметом дискуссии в ходе обсуждения проекта реставрации памятника в 2014 г.

Среди рисунков французского художника Грело, побывавшего в Ереване вместе с путешественником Шарденом во второй половине XVII в., есть изображение некой «эриванской башни». Несомненно, это башенный мавзолеев, но он имеет мало общего с аргавандским. Сооружений такого типа на некрополях Араратской долины было несколько, какая-то часть их разрушились через 7 лет после визита французов, во время землетрясения 1679 г. Купол, изображенный Грело в виде каменного полушария, не находит аналогов ни в армянской, ни в тюркской архитектуре. Натурное обследование кирпичной части мавзолеев в Аргаванде, а также анализ его фотографий середины XX в., когда сохранность кладки верхних рядов была лучше нынешней, ясно указывают на шатровую конструкцию. Былое существование пирамиды - не

только документированный факт. Оно соответствует морфологии усыпальниц северных районов Ирана и марага-нахичеванского круга памятников, а также укладывается в тезис о том, что шатровые покрытия в мусульманском зодчестве средневековья – один из важных типологических признаков исключительно мемориальных сооружений.

Бесолов Владимир Бутусович
Чл.-корр. МААМ, Владикавказ

Грузинская школа архитектуроведения: I. Евфимий Такайшвили (1863-1953)

В период бурного развития научного кавказоведения, с удивительной интенсивностью разворачивалась многогранная научная деятельность одного из крупнейших грузиноведов дореволюционной поры Евфимия Семеновича Такайшвили (1863–1953). Методы и принципы исследования, критерии познания и цели сохранения художественного наследия древней и средневековой Грузии стало смыслом жизни и деяний маститого ученого. Фактически Е.С. Такайшвили является первопроходцем научного обследования (описания, графической и фотографической фиксации) и зачинателем научного истолкования (интерпретации, анализа, датировки, художественной и этнической атрибуции) памятников архитектуры и искусства древней и средневековой Грузии.

Внимание Е.С. Такайшвили сосредоточено на обследовании произведений культовой архитектуры, монументального и декоративно-прикладного искусства всей средневековой Грузии, в том числе и ее южных провинций. Им фиксируются и описываются памятники фресковой живописи, иконописи, книжной миниатюры, а также художественные изделия церковно-религиозной принадлежности и торевтики. Одновременно им обнаружено и зафиксировано множество памятников грузинской эпиграфики, по существу, собран ценный свод лапидарных надписей, документальных письменных источников.

Коновалова Нина Анатольевна
К. иск., советник РААСН / НИИТИАГ, Москва

Мосты Японии: между архитектурой и поэзией

С давних времен мосты исполняли ведущую роль в социальной и политической жизни городов Японии, к тому же, средневековые мосты Японии отличались уникальной техникой строительства и неординарными конструктивными решениями. В Японии можно найти почти все известные типы мостов: цепные и арочные, понтонные и лодочные, вантовые и разводные, деревянные, каменные и металлические. Но их главное отличие – смысловое. Мосты могут выполнять символическую функцию. Например, мост Сэто-Охаси, соединяющий два острова Хонсю и Сикоку, за свои выдающиеся конструктивные характеристики считается символом страны. Отметка на мосту Нихомбаси на протяжении нескольких веков принимается за географический центр Японии.

Ни один другой мост в мире не вписан так естественно и непринужденно в окружающую природу как мост японский. Отсюда вытекает и одна из важнейших функций мостов Японии – использование принципа режиссуры для создания у пешехода необходимых зрительных образов. Например, мост «Жемчужная нитка Амакуса» представляет собой цепочку из пяти мостов с грамотно просчитанной траекторией расположения всех звеньев для создания условий, позволяющих со всех сторон охватить взглядом бесконечную красоту окружающей природы. Мосты в Японии создаются с целью не только сокращения расстояния, но и его удлинения, если это необходимо для достижения нужного эффекта. Например, мост Кинтай, ведущий к средневековому замку Ивакуни имеет конструкцию, сильно удлиняющую расстояние, которое нужно пройти. Кроме того, путь по этому мосту становится не только более долгим, но и более сложным для достижения главной цели – отрешения от обыденных проблем и подготовки к созерцанию.

В докладе будут рассмотрены мосты Японии с древности до середины XX века, которые расширяют границы своего содержания как художественного произведения и вбирают в себя наряду с конструктивными, эстетические, психологические и социальные аспекты.

Волчок Юрий Павлович
К. архит., акад. МААМ / НИИТИАГ, Москва

Феррара: образ, план и устройство города

Город Феррара вошел в современное историческое знание как первый европейский город, созданный, начиная с 1492 года, по единому градоустроительному замыслу итальянским архитектором Бьяджо Россетти (Biagio Rossetti). Концепция города строилась в соответствии со стремлением к обретению качеств «идеального города» в возрожденческом миропонимании. Ориентированный на регулярность структуры план новой, вдвое увеличиваемой территории города, был призван, с одной стороны, с тщанием сохранять сложившуюся средневековую структуру и застройку, а, с другой – развивать и закреплять во вновь переосмысленном устройстве города ценности диалога цивилизации и культуры, характерного для эпохи Возрождения.

В историю вошел «канонический» план Феррары, зафиксированный на карте 1600 года. В самом городе в наши дни можно встретить (в том числе, и на многочисленных уличных стендах) другую карту – схему, раскрывающую растянувшийся на века подлинно исторический процесс становления Феррары как образца «идеального города». Опираясь на этот план, удастся рассмотреть несколько «слоев» соответствия устройства города его вошедшему в историю образу.

Следуя закономерностям «архитектоники Большого времени» (М.М. Бахтин) и памятуя о роли возрожденческого миропонимания в первой трети XX века в отечественном мировостроении («Возрождение – единственный закон творчества». Н.М. Бахтин, 1926), в докладе будут показаны некоторые из этих слоев:

- о роли схемы – образа «идеального города» в истории градоустройства (от плана Феррары до «параболы Ладовского»);
- город как порождение диалога цивилизации и культуры. Город-коммуна в эпоху Возрождения и в эпоху отечественного авангарда;
- градоустройство и градоустройство. Взаимоотношение этих понятий, вновь начиная с Я. Буркхардта (1818-1897) и А.Д. Тойнби (1889-1975).

Липатов Алексей Анатольевич
К. истор. наук / Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
Сакса Александр Иванович
Д. истор. наук / Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
Смирнов Александр Михайлович
Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Новые данные об архитектуре средневекового Выборга по результатам археологических исследований 2015 года

В апреле-октябре 2015 года Выборгским отрядом ИИМК РАН были проведены научно-исследовательские археологические работы на следующих объектах г. Выборг: на Замковом острове (Дом наместника, Северный вал Замка, Башня Олафа, Нижний замковый двор, здание Цейхгауза) и на территории города (Башня Ратуши, Часовая башня, Старый Кафедральный собор).

В результате работ была определена мощность культурного слоя на территории нижнего двора Замка, вокруг зданий Цейхгауза и Дома наместника и обнаружен ряд ранее неизвестных архитектурных конструкций:

- 1) Две стены из крупных валунов на известковом растворе, перевязанные друг с другом, могут быть интерпретированы как часть строений, указанных на плане Выборгского замка 1650-х годов;
- 2) Зафиксирована часть стены неизвестной ранее постройки, перпендикулярной стене Цейхгауза и уходящей за пределы шурфа, состоит из трех рядов валунов и подтесанных камней, скрепленных желтоватым известково-песчаным раствором. Датировка ее не известна;
- 3) Подпорная стенка северной части внешнего западного земляного вала - кладка из тесаных гранитных блоков.
- 4) Вымостка фоссейбей на внешнем западном валу. Время ее возникновения – не позднее начала XVIII века. Вероятно, конструкция отображена на плане нач. XVIII в.

5) В ходе работ в двух шурфах на Северном валу была выявлена и зафиксирована конструкция подземной части фундамента подпорной стены вала, система деревянных свай в основании кладки и конструкции берегоукрепления.

6) В ходе исследований на третьем шурфе были выявлены остатки не известной ранее разрушенной внутривальной конструкции.

7) При археологических работах вокруг Башни Ратуши были выявлены последовательные мощения с внешней (напольной) стороны башни, неизвестная ранее стенка в зоне заложенного воротного проезда. В интерьере были зафиксированы разновременные конструкции полов и габариты воротного проезда.

8) В ходе работ в шурфе №1 возле Часовой башни были зафиксированы пятна раствора и валунная кладка, которые, по всей видимости, являются более ранней постройкой. Учитывая взаиморасположение конструкции башни и осевой линии растворных пятен, их можно соотнести с церковной оградой вокруг Старого Кафедрального собора, изображенной на плане 1642 года.

Кавтарадзе Сергей Юрьевич
Школа коллекционера и эксперта ЦСИ "Винзавод", Москва

Барбаро и Аристотель. Четыре причины виллы в Мазере

1. Даниеле Барбаро - выдающийся политический и религиозный деятель Венецианской республики, а также знаток искусств и автор многочисленных теоретических трудов, в том числе обширных комментариев к «Десяти книгам об архитектуре» Витрувия. Поэтому можно предположить, что прежде, чем поручить скульпторам (Алессандро Витториа и Маркантонио Барбаро), архитектору (Андреа Палладио) и живописцу (Паоло Веронезе) работу над виллой в Мазере, он разработал общую для всего комплекса символично-аллегорическую программу.

2. Если «читать» такую программу не от главного входа, а от грота в нимфее, то заметно развитие определенного «сюжета». Дикая природа (хвойные деревья на холме за нимфеем) и природа оформленная, но не окультуренная, полная страстей и борений (нимфей и двор перед ним), пройдя сквозь «храм», где происходит таинство по «гармонизации» и окультуриванию мироздания (собственно здание виллы), становятся, наконец, природой упорядоченной и возделанной (поля и виноградники, принадлежащие семейству Барбаро).

3. Такое развитие темы, вероятно, входило в философский замысел Даниеле Барбаро, тонкого знатока и популяризатора трудов Аристотеля. Общая композиция комплекса виллы может рассматриваться как иллюстрация к учению Стагирита о четырех причинах – материи, движущей причине, формы и цели. Нимфей и двор перед ним - *natura inculta*, материя, нуждающаяся в преобразовании. Зал Олимпа демонстрирует движущие причины гармонизации – действующие силы, как божественные, так и человеческие. Следующие пять залов, скомпонованные в крестообразную композицию – это аристотелевская «форма», которую надлежит принять природе-материи, чтобы стать окультуренной, и параллельно, «формула счастья», согласно с которой семье Барбаро следует в таком гармоничном мире существовать. Наконец, возделанные поля, простирающиеся от виллы до самого горизонта – это цель, ради которой комплекс и создан.

4. Таким образом, символическая программа виллы в Мазере – это попытка Даниеле Барбаро изложить свое видение устройства мира и смысла жизни в нем.

Корчагина Ирина Андреевна
Государственный музей архитектуры им. А.В.Щусева, Москва

Андреа Палладио и венецианская дворцовая традиция

Фигура Андреа Палладио ярко выделяется на фоне его современников. Разносторонний мастер, Палладио проявил себя абсолютно во всех строительных типологиях, создав множество великолепных вилл, дворцов, храмов, а также общественных и утилитарных сооружений... При этом в историографии по венецианской архитектуре вопросу о том, почему великому зодчему не удалось воплотить в жизнь ни одного светского проекта в Венеции, не уделяется должного внимания. Эта тема становится еще более интересной с учетом того факта, что зодчий возвел

большое количество дворцов в соседней Виченце. Тем временем эта проблема имела очевидные причины, которые можно увидеть, обратившись к истории развития дворцовой архитектуры Венеции. Именно эти памятники будут рассмотрены в докладе.

Аронова Алла Александровна
К. иск. / ГИИ, РГГУ, Москва

«Печальная» архитектура Западной Европы в эпоху барокко: некоторые наблюдения

1.Изменение сценария погребального ритуала в эпоху Возрождения и закрепление новых элементов в XVII веке: усиление значения Траурного зала дворца и траурного оформления церкви - от Lectus doloris (Погребальное ложе) к Castrum doloris (Замок скорби).

2.Использование Castrum doloris исключительно в погребениях церковной и государственной элиты.

3.Изменения в практике «печального» ритуала во второй половине XVI века: католики и протестанты.

4.Архитектурные формы Castrum doloris: пирамида, башня, темплетто, триумфальная арка.

5.Декорации Castrum doloris как образ легитимной власти.

Хохлова Светлана Павловна
К. филос. н. / Университет «Дубна»

Типология французской архитектуры XVII века

В докладе на примере французской архитектуры XVII века обосновывается необходимость новой архитектурной типологии. Показывается редуционистский характер объемно-пространственной и функционалистской типологий, не учитывающих онтологическое своеобразие архитектуры.

Архитектурный стиль в целом рассматривается как более широкая мировоззренческая категория, в которую вводится спектр ощущений, не исчерпывающийся визуальностью. В качестве другого основания для упорядочивания архитектурного материала предлагается уточненное понимание смысла самой архитектуры как осуществления связи между означающим и означаемым и другими различиями. Характер этой связи является одним из возможных критериев архитектурной типологии.

Вавилонская Татьяна Владимировна
К. архит. / Самарский государственный архитектурно-строительный университет

Градостроительная история Бата и особенности архитектуры георгианской эпохи

В статье рассматриваются основные этапы развития города Бата с момента его основания во времена Римской империи. Приводится графическая реконструкция города «Acquae Sulis» (нынешний Бат) во времена древнего Рима. Отмечается цикличность в изменении градообразующей базы города. Отдельно рассмотрен период позднего средневековья, когда город становится одним из религиозных и торговых центров Великобритании. Приводятся карты города Бата 1694 г. до его перестройки и 1780 г. после перестройки в георгианскую эпоху. Благодаря бальнеологическим функциям город при Георге III кардинальным образом преобразуется, наступает период расцвета. К этому времени относится значительная часть застройки Бата. На примере характерных построек раскрываются особенности георгианской архитектуры.

Чантурия Юрий Владимирович
Д. архит., проф., иностранный член РААСН, член-корреспондент МААМ / Белорусский национальный технический университет, Минск
Хеджазиния Алиреза,
Белорусский национальный технический университет, Минск

Градостроительный ансамбль общественного центра Тегерана первой половины XIX века

В контексте исторического развития планировочной структуры Тегерана рассматривается формирование общественного центра в первой половине XIX в. Анализируется пространственная организация дворца шаха, площади «Амарет мейдан» и других сооружений в городской цитадели, а также Русской площади и торгово-гостиничного комплекса вдоль главной коммуникации Тегерана. В качестве общего урбанистического подхода определяется сочетание государственного регулярного, формально геометризованного строительства и естественно сложившейся архитектурной среды средневековой традиции. Устанавливаются композиционные принципы организации общественной застройки и элементов ландшафта, фиксируется значение системы крепостных сооружений в формировании своеобразного облика центра. Приводятся новые, а также малоизвестные, не публиковавшиеся в русскоязычной литературе графические материалы.

Клименко Юлия Гавриловна

К. архит. / МАРХИ, НИИТИАГ, Москва

Восприятие французского неоклассицизма швейцарскими архитекторами. (По материалам атрибуции графического архива тичинских мастеров)

Доклад посвящен изучению графического архива швейцарских архитекторов, практикующих в России первой трети XIX столетия. Анализируется характер и причины копирования Доменико и Алессандро Жиллярди, Луиджи Пелли и другими тичинскими мастерами французских архитектурных увражей. Попытки атрибуции графического наследия этих зодчих вынуждают современное научное сообщество внимательнее исследовать совокупность парижских изданий, предлагавших готовые архитектурные проекты, реализованные не только в столице и пригородах, но и в отдаленных французских провинциях. Интерес к выбору жилых сооружений, их декоративному оформлению, разбивке парковых и садовых угодий с определенным набором малых архитектурных форм в разнообразных стилях способствует более точному определению предпочтений и вкусов этой архитектурной плеяды мастеров из тичинского кантона. Их активная строительная деятельность, выходящая далеко за пределы своей родины, позволяет спустя столетия проследить маршруты и особенности распространения проектов из французских архитектурных изданий. Выявление перечня этих архитектурных произведений заполняет лакуны в вопросах активности использования и реализации этих замыслов в частном российском строительстве первой половины XIX в. Анализ рассмотренных в докладе документов раскрывает механизм освоения французской архитектуры эпохи неоклассицизма.

Карпов Виктор Васильевич

К. иск. / НИИТИАГ, Москва

Шарль Блан и Жюльен Гваде: Риторика и герменевтика композиции, рисунка и цвета

Рассмотрение двух трактатов второй половины XIX столетия – «Грамматика искусства рисунка. Архитектура, скульптура, живопись» (*Grammaire des arts du dessin. Architecture, sculpture, peinture*) (1876) Шарля Блана (*Charles Blanc*) и «Элементы и теория архитектуры» (*Éléments et théorie de l'architecture*) (1901) Жюльена Гваде (*Julien Guadet*) – как двух теоретических оснований курсов визуальных искусств и архитектуры в *L'École des Beaux-Arts*, и развития академической традиции в искусстве и архитектуре в целом, способствует выявлению определяющей роли композиции (Блан, Гваде), рисунка и цвета в их взаимосвязи (Блан), как в образовательных программах, так и в художественной и архитектурной практике академизма. Наряду с очевидным и общепризнанным влиянием этих идей и положений на дальнейшее развитие искусства и

архитектуры – от *Salon de refusés* до авангарда начала XX столетия, модернизма и современного минимализма – выявляются внутренне им присущие инструменты, обеспечивающие ассимиляцию идей в процессе развития и взаимодействия предшествующей традиции и необходимых, провоцируемых историческим, культурным, техническим и научным развитием инноваций. Два инструмента – *риторика* и *герменевтика* – в их единстве и взаимопроникновении не только определяют, часто непреднамеренно, внутреннее структурное построение и смысловое содержание двух теорий, но и сами по себе становятся средствами исторического описания и теоретического осмысления искусства и архитектуры, во многом определяющими инструментальные приемы создания художественных и архитектурных произведений.

Старостенко Юлия Дмитриевна
К. архит. / НИИТИАГ, Москва

City Beautiful Movement в современных зарубежных исследованиях

City Beautiful Movement – самостоятельное направление американского градостроительства 1890-1910-х гг., практически не упоминающиеся в отечественных источниках. Авторы главного отечественного труда по истории градостроительства А.В. Бунин и Т.Ф. Саваренская характеризовали проекты, созданные в рамках этого движения, как «османизмы XX в.». Не умаляя значения работы, сделанной авторами «Истории градостроительного искусства» в условиях ограниченности источников, необходимо признать, что такая характеристика сегодня уже не может считаться исчерпывающей. К настоящему времени опубликовано достаточно много работ зарубежных авторов по истории City Beautiful Movement. Анализ этих работ позволяет говорить о том, что единого мнения о формировании и развитии этого движения, о проектах, которые могут быть отнесены к нему, и даже о его хронологических границах, еще не сложилось. Одни исследователи рассматривают City Beautiful Movement, как движение исключительно американского градостроительства (В. Вильсон). Другие, наоборот, рассматривают его как движение мирового уровня, относя к нему, в том числе, и проект реконструкции Москвы 1930-х гг. (П. Холл). Данный доклад предлагает обзор различных подходов к исследованию City Beautiful Movement. Также в нем делается попытка сформулировать авторское видение роли этого движения в градостроительстве XX в., и приводится анализ правомерности рассмотрения реконструкции Москвы 1930-х гг., как одного из проектов City Beautiful Movement.

Гыбина Майя Михайловна
К. архит. / ЗАО «ФОДД», Москва

«Город Дорог» Э. Чамблесса

В 1910 году Эдгар Чамблесс выпустил книгу под названием «Город дорог», в которой изложил свои идеи линейного города, расположенного над железной дорогой. «Мне пришла в голову идея положить современный небоскреб на ребро, а лифты, все коммуникации и инженерию запустить горизонтально, а не вертикально. Такой дом не будет ограничен напряжениями и деформациями стали». Чамблесс предположил, что такой дом будет не только многоэтажным, но также растянутым на тысячи километров. Он описывал Город Дорог как схему организации производства, транспортировки и потребления, сведенную в один план. В докладе будет подробно рассказано об идеях «Города Дорог», а также о том, как идея Чамблесса повлияла на американский урбанизм всего XX века.

Вяземцева Анна Геннадиевна
К. иск. / НИИТИАГ, Москва

«Корпоративный город»: новая экономическая и архитектурная модель итальянского градостроительства 1920-1930-х годов

В 1926 году в Италии была принята политика «корпоративизма», а затем были учреждены специальные «Министерство Корпораций» и «Национальный Совет Корпораций», возглавляемый главой государства Бенито Муссолини. Главным юридическим документом, регулирующим

политику «корпоративизма», стала т.н. «Рабочая Хартия» (Carta del Lavoro), составленная Джузеппе Ботти и выпущенная фашистским правительством в 1927 году. Термин отсылал к средневековой системе организации производства, в которой различные отрасли представляли собой корпорации, или цеха, и стремился представить новую экономическую систему, альтернативную как либеральному капитализму, так социализму СССР. Такая система основывалась на сотрудничестве общественных классов и должна была служить для преодоления классовых противоречий. Каждый индивидуум, занятый в производстве, был призван к самодисциплине, а в качестве высшей цели труда представлялся интерес нации. Представители каждой профессии должны были объединяться в корпорации, находящиеся под контролем государства. Корпоративизм рассматривался как основа фашистского государства, где все сферы человеческой деятельности включались в единую систему экономических, политических, культурных отношений.

В начале 1930-х годов идея корпоративизма распространилась и на градостроительство. «Корпоративный город» рассматривался в качестве прямого воплощения системы корпоративного государства – основы политики фашизма. В немалой степени «корпоративный город» был ответом советскому «социалистическому городу». Концепция нашла различные практические интерпретации, в первую очередь в творчестве представителей авангарда – Дж. Терраньи, Дж. Пагано, группы ВВРР, Л. Пиччинато и др. Э. Н. Роджерс и Г. Чокка так поясняли идею «корпоративного города»: «В будущем корпоративном устройстве у каждого города будет своя функция. Новое государство не даст неограниченной экономической свободы индивидууму, в том смысле, что отдельному лицу будет запрещено действовать согласно лишь своему собственному материальному интересу, не принимая во внимания интересов коллектива».

В исследовании предполагается дать общую картину экономической и градостроительной теории корпоративного города, дать примеры архитектурной полемики на эту тему, изучить проекты, описать и проанализировать реализованные «корпоративные» города.

Муромцева Ольга Валерьевна

К. истор. наук / МГХПА им. С.Г. Строганова, Москва

Проекты Марио Пьячентини и проблемы формирования архитектурного стиля эпохи фашизма

К середине 1930-х гг., несмотря на существование различных художественных объединений и эстетических концепций, искусство фашистского режима начало приобретать некие определенные стилистические характеристики. Тенденция к созданию единого стиля проявилась, прежде всего, в архитектуре. Именно этой сфере Б.Муссолини уделял наибольшее внимание, так как, по его мнению, «среди всех искусств архитектура занимает главенствующее положение, ибо включает в себя всё».

В задачи архитекторов режима входило создание стиля:

- вневременного, вечного и при этом хранящего память о величии Древнего Рима и эпохи Ренессанса;
- унифицирующего столь различные по культуре и архитектурным традициям города Севера, Юга и Центра Италии;
- функционального и применимого как для зданий общественного назначения, так и для жилых кварталов и выставочных павильонов;
- стиля, отражающего дух и мощь империи.

Различные пути решения этих задач предложили сторонниками модернизма, последователями Ле Корбюзье (А. Либера, Дж. Терраньи и др.) и приверженцы классической школы, опиравшимися на традиции (Дж.Муцио, Дж.Понти, А.Бразини). Создание единого стиля в архитектуре осложнялась проблемой вписывания монументальных построек в плотную городскую застройку и нередко требовала радикальных решений (вплоть до разрушения исторических кварталов и памятников). Вопрос о возможности и способах реализации поставленных задач предполагается рассмотреть на примере проектов архитектора Марио Пьячентини (его наиболее известные постройки: комплекс зданий Римского университета «Ла Сапиенца», незавершенный выставочный комплекс «EUR42»). Почему, несмотря на обширное строительство и активную деятельность архитекторов различных школ, именно выработанный Пьячентини стиль стал позднее ассоциироваться с архитектурой эпохи фашизма? Особенности этого стиля - монументальность, геометричность форм, повторяемость ритмов, сочетание характерных черт античных и ренессансных построек с видимой стилизованностью к приемам рационализма.

Ким Екатерина Сергеевна
Общecerковная аспирантура и докторантура имени святых Кирилла и Мефодия, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, Москва

Церковь St. Fronleichnam архитектора Рудольфа Шварца (1930)

Немецкий архитектор, теоретик и богослов Рудольф Шварц (1897-1961) оставил нам целый ряд выдающихся церковных зданий и несколько глубоких теоретических трудов, посвященных храмовому зодчеству, градостроительству и осмыслению жизненных путей и поисков современного человека. Некоторые из его построек и идей представляются ряду исследователей и критиков весьма неоднозначными, мало понятными и даже странными, однако их высокая значимость для церковной архитектуры XX века бесспорна. Церковь St. Fronleichnam в Аахене (1930), является одним из тех зданий, которые кажутся простыми и пустыми, однако за ним скрывается продуманная программа. Она демонстрирует и богословские идеи, значимые для периода перед Вторым ватиканским собором, и особое понимание модернизма, и изящество, характерное для стиля Рудольфа Шварца. В докладе будут выделены основные аспекты, касающиеся данной постройки - как богословские, так и архитектурные - которые вместе и составляют уникальный творческий метод Рудольфа Шварца.

Шурыгина Ольга Сергеевна
Независимый исследователь, Москва

Автомобильный гараж как новый тип здания в архитектуре начала XX века (на примере стран Западной Европы и США)

Широко известна фраза Ле Корбюзье, описывающая идеал модернистской архитектуры: «дом – машина для жилья». Однако эта технократическая формула возникла в момент, когда взаимодействие архитектуры и машины уже имело свою историю. Дома для машин, в первую очередь, автомобильные гаражи, возникли прежде эстетики функционализма, и уже в 1900–1910-х гг. это были сложные по композиции и инженерно-техническому решению сооружения, рассчитанные на одновременное хранение нескольких десятков единиц автотранспорта.

Тем не менее, архитектура ранних гаражей относится к малоизученным областям. В настоящее время не существует монографического исследования по этой тематике. Имеющиеся публикации зарубежных специалистов носят характер каталогов и обзорных работ, охватывающих всю историю развития автомобильной инфраструктуры вплоть до современности, но ограниченных географией одной страны или даже региона.

Мы, используя материал Великобритании, Германии, Франции, США в период до 1914 г., постараемся проследить формирование новой архитектурной типологии, принципиальная новизна которой заключалась в том, что её «адресатом» становился не собственно человек, а машина, рассматриваемая как неотъемлемый атрибут человека XX столетия. При этом особенности становления и развития архитектуры автомобильного гаража в каждой из стран были довольно существенными, превращая в отдельную исследовательскую проблему анализ этих особенностей в свете влияния местных социокультурных и экономических факторов.

Комиссарова Екатерина Алексеевна
Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина

К пониманию традиционной архитектуры некоторых территорий Ближнего Востока

Доклад посвящен развитию традиционной архитектуры на территории современных стран Катар и ОАЭ периода начала - середины XX века.

Можно утверждать, что изменения, произошедшие в развитии архитектуры означенных территорий, в течение последней тысячи лет, были связаны с влиянием архитектурных традиций Месопотамии, Сирии, Турции, Персии, Индии, побережья Восточной Африки и стран Красного моря.

Поступательное развитие архитектуры стран Персидского залива, можно рассматривать в неразрывном взаимодействии исторических пластов времен и эпох с традициями региона, основанными на условиях выживания в невыносимом климате.

Функциональность является наиболее важным аспектом традиционных зданий на территории современных Катара и ОАЭ, что тесным образом переплетается с утилитарно-практическим концептом, основанным на климатических характеристиках. Вычленив первенство функциональной специфики в анализе традиционной архитектуры Персидского залива, выяснилось, что этот пласт истории региона, зависим и от других факторов: географического положения, экономической деятельности, социального статуса, культуры, племенной принадлежности, социально-культурных традициях и религиозных законах.

В докладе рассматриваются специфические особенности архитектуры Катара и ОАЭ, где практическая функциональность пассивных систем охлаждения зданий является приоритетной.

Анисимов Александр Викторович
Д. архит., член-корреспондент РААСН / НИИТИАГ

Традиции развития и реконструкций объектов культуры. Уроки истории – приобретения и потери

- Потребность в развитии нормальное и неизбежное свойство любого здорового, особенно растущего организма, которое наблюдалось с древних времен.

- Консервация признаков бесперспективного старения и приближающейся смерти как в живом организме, так и в архитектуре. Может использоваться в редчайших случаях для музеефицирования или научной работы.

- Реальность такова, что каждая эпоха оставляет свой след в архитектурных произведениях, не говоря уже о городах. Очарование наслоений, которые обогащают историю, города и архитектуру при профессиональном качественном исполнении это тоже бесценная память о наследии.

- Развитие техники и технологии с неизбежным ускорением меняют корректируют планировку, внутреннее пространство, а иногда и внешнюю архитектуру самых выдающихся произведений. Развитие транспорта общегородского и вертикального внутри здания также влечет за собой деформацию самого здания и генплана. Внедрение электричества и современные способы вентиляции и отопления отразились в архитектуре старых зданий.

- Социальные метаморфозы предъявляли свои требования и накладывали свой отпечаток.

- Природные и техногенные катастрофы, войны вызывают к жизни многочисленные реконструкции, воссоздания, сопровождающиеся реставрацией и т.п. работами.

- История накопила огромное количество интересных и поучительных примеров развивающихся объектов архитектуры и градостроительства. Античные греческие театры в результате перестроек превращались в римские с концептуальным изменением своей структуры. «Растут» дворцы и музеи (с конца XIX – начала XX века). Многочисленные примеры (история Ватикана, Версаля, Лувра, Пантеона и мн.др.). В этом процессе участвовали самые выдающиеся архитекторы и художники всех времен. Микельанджело встроил в римские термы Диоклетиана христианский храм, переделал интерьер Сикстинской капеллы и др, Жюль Ардуен Мансар перестроил Версаль, при активном участии Бернини и Барромини остатки римского цирка превратились в великолепную площадь Навона в Риме и мн. др.

История учит, что надо бороться не против развития и реконструкции объектов культуры, а против безграмотных непрофессиональных решений, разрушающих и ухудшающих мир. И так же против неквалифицированных «жюри», определяющих политику развития города и его архитектуры.